

УДК 811.161

ТЕКСТОВАЯ ДОМИНАНТА КАК КОМПОЗИЦИОННАЯ ВЕРШИНА МЕГАТЕКСТА

Е.И. Бегенева

Аннотация

В статье рассматривается проблема мегатекста как средства презентации учебных тем иностранным учащимся, в частности, анализируются факторы, влияющие на композицию мегатекста. Сделано заключение, что доминирующее положение в мегатексте занимает текст с наибольшей валентностью.

Ключевые слова: мегатекст, валентность, чтение и понимание.

Понятие мегатекста – гигантского по своим объемам образования из многолистных фрагментов – противостоит понятию текста по параметру *большое – малое* (ср. с соотношением *мегазвезда – звезда*). Поскольку «выход за рамки абзаца» в конечном итоге приводит лингвистов к убеждению в определенной зависимости когезии и когерентности, реализующих категорию связности текста (см. [1]), от текстовых объемов («роль жестких грамматических средств в организации текста уменьшается в обратной прогрессии в зависимости от объема текста» [2]), то в качестве основного стержня, на котором держится вся конструкция мегатекста, должна быть признана категория семантики.

В свое время семантические критерии легли в основу принципа дискретации текста на следующие единицы: *сюжет (topic), тема, параграф, дискурс, текст, группы текстов, универсум текстов* (принцип А Коха). Позже ими руководствовались при выделении «верхних уровней текстовой реальности», особенно наглядно проявляющихся в электронных сетях и ставших объектами самостоятельного изучения и творческой трансформации, – *надтекста (supertext), унитекста (unitext) и перитекста (peritext)*. М. Эпштейн встраивает в этот ряд и *мегатекст (megatext)*, определяя его как «совокупность текстов, которые воспринимаются или исследуются как единое дискурсивное целое, пронизанное общими темами, лейтмотивами, архетипами, символами, ключевыми словами, стилевыми приемами» [3].

Реализуя разноуровневые межтекстовые связи, мегатекст занимает промежуточное положение между универсумом текстов (унитекстом) и обычным текстовым циклом¹.

¹ При сравнении мегатекста, к примеру, с лирическим циклом обнаруживается много общего. Лирический цикл – заданное упорядоченное множество самостоятельных поэтических текстов, реализующих разноуровневые межтекстовые связи, благодаря которым порождаются новые смысловые комплексы, не выводимые из семантической структуры каждого отдельного текста [4]. Важнейшие аспекты системности лирического

Мегатекст – субстанциальный термин, содержательно определяющий объем того текстуального целого, в рамках которого рассматриваются индивидуальные тексты. В сравнении с контекстом, под которым традиционно понимается окружение текста на том же системном уровне, мегатекст выступает как явление более высокого системного плана [3] (*мегатекст китайской пейзажной лирики, мегатекст римского права, мегатекст русской публицистики конца XX – начала XXI века, мегатекст исторического романа*)¹.

«Контур» семантического поля мегатекста легко сопоставимы с «объемом» нарративной субстанции (Nss.) – ключевого феномена теории нарратива голландского философа Ф. Анкерсмита, – с той лишь разницей, что последняя, будучи категориальной сущностью историографических описаний, гипотетически «исчислима»². Nss. «относятся к той странной категории вещей, которые “как вещи” тождественны своим языковым проявлениям» [7]; иначе говоря, такие «странные вещи», как «Ренессанс», «Французская революция», «барокко», «холодная война», не имеют и в принципе не могут иметь никакого «правильного» понятийного определения – они определяются только через полный перечень высказываний, которыми описываются включающиеся в них факты; скажем, понятие «Ренессанс» определяется через перечень всех гуманистов, художников, книг, картин и т. д., которые, с нашей точки зрения, могут быть отнесены к данной нарративной субстанции [8]. Попытка определить «объем» нарративной субстанции в текстовых категориях приводит к понятию мегатекста: так, под «мегатекстом Ренессанса» понимается совокупность всех произведений, относящихся к данной историко-эстетической категории³.

Актуализированные в разрозненных текстах ключевые концепты⁴ обладают способностью не только включаться в процессы ассоциативных межконцептных переходов, но и участвовать в смысловых переключках. Реализуя первую из названных способностей, базовые концепты тематически «разрозненных» текстов автоматически принимают на себя роль конститuentов семантического пространства мегатекста⁵: 1. Много рыбы в теплой воде (*о рецептах приготовления даров моря*) ↔ Рыболовы, расчехляйте ваши удочки (*У двух миллионов москвичей и жителей Подмосковья – праздник. Открыт сезон летней рыбалки*)

цикла – взаимосвязанность текстов циклового ряда, взаимодополнительность, валентность поэтического текста, степень участия каждого отдельного поэтического текста в циклообразовании, их иерархичность и динамический повтор [5] характерны и для мегатекста. Главными структурными отличиями мегатекста от обычного цикла текстов являются его потенциальная незавершенность и (в немалой степени благодаря входящим в него надтекстам, включая и парафразы) безграничность.

¹ Ср.: «Наиболее естественным разговор об историзме представляется в связи с историческим романом, где фиксация “большого”, онтологического времени выполняет, так сказать, “жанрообразующую” функцию» [6, с. 221].

² В этом смысле весьма показателен тот факт, что автор концепции мегатекста М. Эпштейн относит мегатекст к «категории тематической или исторической (курсив наш. – Е.Б.)» [3].

³ Такую совокупность не следует путать с комплексом всех текстов, где встречается лексическая единица «Ренессанс». В этом случае следует говорить не о мегатексте Ренессанса, а о надтексте лексической единицы «Ренессанс». В отличие от «мегатекста», «надтекст» – это не субстанциальный, а реляционный термин. «Надтекст – вся совокупность текстов, в которую данный текст вписывается одним из своих сегментов, длина которого может быть задана различно: от одного слова до группы предложений или сколь угодно длинного набора ключевых слов» [3].

⁴ Под концептом здесь подразумевается понятие, заключенное в «клубок» коннотаций. Имена концептов, по мысли А. Вежицкой, выступают в качестве редуцированных обозначений прототипических ситуаций [9].

⁵ Здесь и далее будет рассматриваться мегатекст современной русской публицистики.

(дары моря ↔ рыбалка); 2. Чайная жизнь столицы ↔ Фарфоровая азбука (*о выставке фарфора Гришии Брускина*) (чай ↔ посуда из фарфора).

Смысловые переключки базовых концептов порождают эксплицитные и имплицитные связи и ассоциативные соотношения между составляющими мегатекста: 1. Что надеть на выпускной бал ↔ Десять лучших платьев «Оскара»; 2. Мужчин по галстуку встречают ↔ Девуцу с запахом сандала любой полюбит без скандала (*о профессии парфюмера*); 3. Ремень безопасности, версия для гурманов ↔ Повар Пьер Ганьер: «Русских нервируют маленькие порции»; 4. Ксантиновые напитки ↔ Тайны воды; 5. Ресторанная критика. Москву благословил Поль Бокюз ↔ Кулинария от кутюр (*о визите в Москву знаменитого французского повара Мишеля Труагро*); 6. Майя Плисецкая: Люблю хорошее пиво. Но не больше кружки за раз ↔ Балерина Майя Плисецкая споет в «Пиковой даме»; 7. Ирония сезона: Барбара Брыльска возвращается... ↔ Метеорологов ругают за жару и бьют зонтиками за ошибки в прогнозах и т. д.

Мегатекст – объемный текст, «бесконечно становящийся и пишущийся на глазах читателя», – «вбирается» им дискретно, в много «сетов», а потому его чтение всегда фрагментарно, это всегда чтение «с пропусками»: «А знания только лишь частичны всегда, только лишь фрагментарны, как фрагментарно чтение “Войны и мира” и фрагментарно восприятие жизни» [10]. В том случае если в рецепцию не включаются крупные звенья информации, то, сохраняя за собой статус «темных мест», они существенным образом деформируют в глазах читателя присущую мегатексту ситуацию интертекстуальности¹. Прочность межтекстовых тематико-ситуативных и оценочно-прагматических связей мегатекстового дискурса в этом случае начинает восприниматься как существенно ослабленная (или вовсе отсутствующая), а текстовый симбиоз – как случайный набор текстов.

Свободно направленное первочтение печатного (не оцифрованного) мегатекста подобно перечтению объемной книги, которая начинает обладать для читателя «не столько признаками “монтажа” или “коллажа” (креация), сколько, в силу смены актуализируемых фрагментов, иррациональностью “Книги песка” или “Синих тигров” Борхеса – никогда не известно, что всплывет и сколько уйдет в следующий раз (рецепция)» [11]. Перечитывая роман «счастливица Пруста» [12], – а перечитывать можно «по кругу», с пропусками, фрагментарно, по спирали или ленте Мебиуса... – мы всякий раз пропускаем разные места. В процессе вчитывания в мегатекст разные места «достаются» нам, что называется, по случаю. Вышесказанное позволяет квалифицировать чтение self-made² мегатекста как *бессистемное* (в той мере, в какой понятие бессистемности применимо для характеристики всякого чтения «на тему») и сформулировать проблему творческой трансформации мегатекста (его композиционной перекомпоновки) в методическом ключе, поскольку учебное чтение всегда есть чтение мегатекста. Мегатекст как self-made сущность может быть препарирован в методических целях

¹ Категория интертекстуальности в медийно организованном тексте эксплицируется через ссылочный аппарат гипертекста, автором концепции которого признан В. Буш, предложивший идею хранения информации ассоциативными блоками, по подобию устройства человеческой памяти.

² Self-made (англ.) – сделавший себя сам. Аналогия с общеупотребительным *self-made* по отношению к человеку, создавшему себя и продолжающему совершенствоваться.

благодаря чрезвычайно богатым возможностям концептов конституировать его семантическое поле.

Процедура творческой трансформации мегатекста придает последнему некоторую завершенность, автоматически переводя его в разряд цикла текстов с заданным упорядоченным множеством самостоятельных единиц, реализующих разноуровневые межтекстовые связи (см. рис. 1):

1. Кулинария от кутюр (*о визите в Москву знаменитого французского повара Мишеля Труагро*).
2. На Тверской, у Елисеева...
3.
 - а) Телятина по-цюрихски.
 - б) Обед из бананов.
 - в) Варенье из лепестков роз.
4. Праздник живота (*об особенностях индийской кухни*).
5. Неделя pret-a-porter в Париже: Шейте платья из муслина и воздушного «бисквита».
6. Не верилось, что мы это сможем... (*день Победы, юбилейные торжества по случаю первого исполнения в блокадном Ленинграде Седьмой симфонии Д. Шостаковича*).
7. Аллея Прокофьева.
8. Принц посмотрит девушкам в лицо (*интервью с Вячеславом Гордеевым о постановке балета «Золушка» на музыку С. Прокофьева*).
9. Наталья Белохвостикова: Я падала на парижскую мостовую без подстраховки.
10. Неделя pret-a-porter в России: «Синие чулки» смущали публику голыми коленками и глубокими декольте.
11.
 - а) Десять лучших платьев «Оскара».
 - б) Превращаемся в барышню-крестьянку¹.

Проблему оптимальной организации учебных материалов позволяет решить механизм обнаружения текста-доминанты, способного стать своеобразной точкой отсчета при построении новой текстовой композиции. Композиционной вершиной мегатекста служит текст с наибольшей валентностью.

Валентность текста, следуя логике Л. Теньера², – способность того или иного текста вступать в различные взаимоотношения с другими текстами – устанавливается через степень его участия в образовании мегатекста. Не будучи самостоятельной характеристикой текста, валентность обусловлена текстовым окружением, в котором актуализируются межтекстовые связи мегатекста. Валентность текста определяется через количество межтекстовых связей каждого из таких текстов: для 11-мерного текстового поля рассмотренного ранее учебного модуля $T1 = 8$; $T2 = 6$, $T3 = 6$ и т. д. (рис. 1). Как видно из графической модели, на статус текста-доминанты (магистрала) могут претендовать сразу два

¹ Перечисленные тексты составляют каркас базы знаний одного из модулей интерактивной авторской программы обучения языку (РКИ) «Русская газета к утреннему кофе» [13].

² Л. Теньер под валентностью понимал способность одного языкового элемента сочетаться с другим элементом того же уровня.

текста (Т1 и Т5). Несмотря на сильные интертекстуальные связи обоих (на схеме связи показаны жирными линиями), функцию магистрала принимает на себя текст «Кулинария от кутюр (о визите в Москву знаменитого французского повара Мишеля Труагро)»: именно он включает в свое силовое поле остальные тексты. В большой степени этому способствует его заголовок (весьма удачное журналистское решение), который, говоря словами И. Бродского, обладает чрезвычайной «инерционной заданностью».

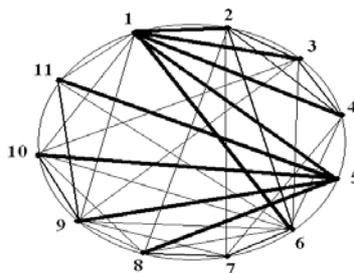


Рис. 1

В искусственно структурированном учебном мегатексте магистрал по праву должен занимать стартовую позицию (для сравнения: в такой «жесткой форме» как венки сонетов это, напротив, всегда *заключительный* сонет). К сказанному следует добавить, что, во-первых, рассматривая данное композиционное решение одиннадцати текстов, мы можем говорить об их «подвижной» неабсолютной иерархичности, во-вторых, в мегатексте может быть несколько тематических доминант и, в-третьих, наличие текстовой доминанты не всегда обязательное условие организации мегатекста. Отсутствие доминанты предопределяет тематическое равноправие и равноценность всех текстов.

Акт чтения мегатекста завершается систематизацией набора прочитанных текстов в памяти человека. Подобный процесс представляет собой повторение (на ином, более высоком уровне) процедуры сплетения ключевых (тематических) слов в тематическую сетку текста, отражающую логику смыслового развертывания данного речевого произведения (идея тезауруса, «своеобразного словаря усвоенных текстов», развитая в работе И.В. Арнольд [14], объясняет блоковую метафору, согласно которой текст стихотворения подобен покрывалу, растянутому на остриях нескольких слов). Узлы тематических сеток отдельных газетных статей позволяют «растянуть» фрагмент мегатекста рассматриваемого учебного модуля между концептами 'Дом Труагро', '«Елисеевский» магазин', 'кулинарные рецепты', 'выставка pret-a-porter', 'балет «Золушка», 'Сергей Прокофьев', 'Наталья Белохвостикова', 'блокадная премьера Седьмой симфонии Шостаковича' и 'вечерние платья «Оскара»'.

Тематическая сетка текста о Труагро сплетена из таких единиц, как 'эскалоп из лосося под щавелевым соусом' – 'Дом «Troisgros»' – 'знаменитые клиенты Труагро' – 'французская национальная кухня' – 'московский ресторан «Кумир»' – 'династия кулинаров Труагро' и т. д. Знатокам русской концептосферы легко домыслить единицы тематических сеток остальных перечисленных текстов, а читатель-иностранец познакомится с ними в процессе изучения языка.

Summary

E.I. Begeneva. Dominating Text as a Megatext Composition High Point.

This paper is focused on megatext as a means of presenting teaching material to foreign students. Some factors influencing megatext composition are discussed. It is concluded that a text of higher valency tends to occupy a dominating position in megatext.

Key words: megatext, valency, reading and comprehension.

Литература

1. *Клочкова Е.С., Кострова О.А.* Категории связности и интертекстуальности в медийном гипертексте // Электронный вестник центра переподготовки и повышения квалификации по филологии и лингвострановедению. – СПбГУ, 2007. – Вып. 4. – URL: <http://evcppk.ru/article.php?id=217>.
2. *Колшанский Г.В.* Контекстная семантика. – URL: <http://kniga-free.ru/2009/kontekstnaya-semantika.html>.
3. *Эпштейн М.* Онтологические прогулки. Проективный словарь философии. Новые понятия и термины // Топос. – 2004. – URL: http://www.topos.ru/articles/0411/04_10.shtml, свободный.
4. *Акопян Л.Г.* Лирический цикл как тип текста // Семантические и коммуникативные категории текста: (Типология и функционирование). – Ереван, 1990. – 147 с.
5. *Стерьеңулу Э.А.* Лирический цикл как система поэтических текстов // Facta universitatis. Series: Linguistics and Literature. – 1998. – V. 1, No 5. – P. 323–332. – URL: <http://facta.junis.ni.ac.yu/lal/lal98/lal98-04.pdf>, свободный.
6. *Спиридонов Д.В.* Проблема историзма в художественной литературе: референциальный аспект // Изв. Урал. гос. ун-та. – 2005. – № 39. – С. 220–229.
7. *Анкерсмит Ф.* Нарративная логика: Семантический анализ языка историков / Пер. с англ. – М.: Идея-Пресс, 2003. – URL: http://platonanet.org.ua/load/knigi_po_filosofii/filosofija_istorii/ankersmit_frank_narrativnaja_logika_semanticheskij_analiz_jazyka_istorikov/29-1-0-705.
8. *Зенкин С.* Критика нарративного разума–2 (Заметки о теории. 7) // НЛЮ, 2004. – № 65. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/65/zen35-pr.html>, свободный.
9. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. – М.: Познание, 1996. – 411 с.
10. *Куринский В.* Автодидактика. – М.: Автодидакт, 1994. – URL: http://read.newlibrary.ru/read/kurinskii_v/_avtodidaktika_1-2.html, свободный.
11. *Бологова М.А.* Текст и смысл: стратегии чтения // Критика и семиотика. – 2004. – Вып. 7. – С. 133–141. – URL: <http://www.nsu.ru/education/virtual/cs7bologova.htm>, свободный.
12. *Барт Р.* Удовольствие от текста // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: 1994. – URL: http://ec-dejavu.ru/p/Plaisir_du_texte.html, свободный.
13. *Бегенева Е.И.* Русская газета к утреннему кофе. – М.: Рус. язык. Курсы, 2010. – 248 с. – URL: <http://www.lclass.org>, свободный.
14. *Арнольд И.В.* Проблемы интертекстуальности // Вестн. СПбГУ. Сер. 2: История, языкознание, литературоведение. – 1992. – Вып. 4(23). – С. 53–61.

Поступила в редакцию
18.05.10

Бегенева Елена Ильинична – кандидат филологических наук, докторант Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва.
E-mail: begeneva@mail.ru